

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты-романтики	4
«СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ!» (Александр Александрович Блок)	6
МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ (Николай Степанович Гумилёв)	78
«Я МОСКОВСКИЙ ОЗОРНОЙ ГУЛЯКА...» (Сергей Александрович Есенин)	144
«РЕВОЛЮЦИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ...» (Владимир Владимирович Маяковский)	196

Поэты-романтики

Незамысловатый бытовой реализм, а так же псевдоинтеллектуальный формализм всё более и более завладевают новейшими стихотворцами. Или всё, как есть — до полного натурализма, или, как и быть не может — до полного абсурда. Читаешь такое и — пусто. Ни сердце, ни мысль не откликаются на подобную стихотворную продукцию. Продолжает существовать и поэзия, допускающая прочтение только вполголоса, без больших страстей и громких призывов — тихая. Она не будоражит, не увлекает, но оказывается умным, тактичным и тонким собеседником. Это «взрослая» поэзия, поэзия спокойных, взвешенных мыслей и остужённых опытом размеренных чувств.

Ничего такого у поэтов, чьи судьбы представлены в этой книге, не было, и быть не могло. Романтизм был не только их творческой особенностью, но, прежде всего, неотъемлемым свойством души. Поэтому высокий строй их поэзии является лишь отражением того неизменно юного и благородного, чем дышала повседневность их мыслей и чувств. Принадлежа началу XX века, они, разумеется, имели мало общего с такими родоначальниками романтического направления в поэзии, как Джордж Байрон или Фридрих Шиллер. Но главное — порыв к возвышенному, идеальному — присутствовал и у них. Для Блока — это любовь к Прекрасной Даме, для Гумилёва — страсть к путешествиям, для Есенина — нежность к природе и всему живому, для Маяковского — служение Революции.

Романтика не терпит остуды возрастом, и в мире этом обычно не загашивается. Недолгое, но бурное и яркое цветение молодости! Полнота сил и чувств! Как такому задержаться среди отягощённых заботами обывателей, в большинстве своём неисправимых реалистов и циников? Попросту не дадут. Сживут со

света. Уничтожат. Это не про мечтательных и ранимых душою романтиков сказано Пушкиным:

...Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

К романтикам можно отнести лишь строку, предшествовавшую этому отрывку: «Блажен, кто смолоду был молод...» Да, блажен и такой человек, но блаженство его слишком кратковременно и улетучивается с молодостью. А что же тогда остаётся? Стихи. Разумеется, если романтик был ещё и поэтом.

Александр Александрович Блок прожил несколько дольше, чем трое его ближайших наследников на ниве российского поэтического романтизма — Гумилёв, Есенин и Маяковский. И даже долее, чем это вообще получается у возвышенно настроенных людей. А посему под конец жизни стихов не писал, ибо молодость Александра Александровича уже отзвучала и, по его словам: «Было бы кощунственно и лживо припоминать рассудком звуки в беззвучном пространстве».

Все четыре поэта-романтика погибли и, вроде бы, каждый не похоже на прочих, по-своему: один умер от голода, другого расстреляли, третий повесился, четвёртый застрелился. Но эти смерти объединило общее чудовищное насилие, которое совершила над поэтами, да и над всей страной преступно-кровавая эпоха. Все они — жертвы и низменного подлого времени, и своих высоких благородных устремлений.

«СЛУШАЙТЕ РЕВОЛЮЦИЮ!»

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК

Публичное чтение собственных стихов поэт обыкновенно начинал со стихотворения «На Куликовом поле». Этим шедевром Блока и мы откроем свой рассказ об его судьбе и творчестве.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

(отрывок)

Река раскинулась. Течёт, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной жёлтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной —
В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснёт святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

И нет конца! Мелькают вёрсты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несётся вскачь!

Родился будущий поэт 28 ноября 1880-го. Год его появления на свет ознаменовался особенным чествованием Пушкина. В Москве на Тверской был открыт памятник Александру Сергеевичу работы Опекушина, сооруженный на добровольные пожертвования или, как тогда говорили, на народном иждивении. Наряду с другими крупными писателями, воздавшими хвалу величайшему нашему поэту, выступил со своей знаменитой речью Достоевский. И были им тогда сказаны прозвучавшие откровением слова о пророческом даре Пушкина и о всемирной отзывчивости русской души. Благодаря этой речи Федор Михайлович, прежде не избалованный славою, вдруг разом в одночасье

узнал ошеломляющий триумфальный успех. И случилось это за полгода до его смерти.

А все-таки наибольшим событием, утвердившим в 1880 году величие Пушкинского гения естественнее считать рождение крупнейшего русского поэта XX века — Александра Александровича Блока. Недаром имя он получил Александр, недаром родителей его звали Александром и Александрой. Но главное, что сам Александр Сергеевич в своих надеждах на благодарную память потомков больше полагался на поэзию — памятник нерукотворный, чем на рукотворные, а посему написал: «И славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».

Отцом будущего поэта был человек полу немецкого происхождения — юрист, философ, профессор Варшавского университета Александр Львович Блок. Его первую книгу «Государственная власть в Европейском обществе», проповедующую анархизм, царская цензура приговорила к сожжению. Последний же труд, посвященный немного немало классификации наук, если и не подразумевал широкой эрудиции автора, то во всяком случае свидетельствовал об его амбициях. Двадцати лет, уделённых философом этой работе, оказалось недостаточно. Умер он так и не довершив задуманного. Сказались и грандиозность темы, и чрезмерная требовательность к форме изложения, ибо Александр Львович считал себя учеником Флобера, что для учёного было явно некстати.

Впрочем, его интересы не ограничивались наукой. Профессор превосходно играл на фортепиано и среди ближайших знакомых слыл незаурядным пианистом. Однако же всё, что успел сделать этот, безусловно, одарённый человек, увы, не принесло заметных плодов, а лишь обнаружило задатки, которым было суждено воплотиться уже в его сыне.

Собственная же несостоятельность не могла ни сказаться трагически на судьбе учёного и музыканта, усугубив его трудный деспотический характер. Так, женившись на Александре Андреевне Бекетовой, дочери крупного биолога, ректора Петербургского университета, он увез её к себе в Варшаву и буквально изводил молодую супругу своей скупостью и тиранией. Удивительно ли, что их первый ребёнок родился мёртвым. Не побереёт

он свою жену и при следующей беременности. Отправившись осенью 1880-го в Петербург на защиту магистерской диссертации, Александр Львович прихватил с собою в неблизкую, а главное, тряскую дорогу и Александру Андреевну, находившуюся на восьмом месяце.

Неведомо чем окончился бы этот эксперимент. Не исключено, что преждевременными родами где-нибудь на обратном пути. Однако родители Александры Андреевны отнеслись к ней куда как бережнее; уговорили остаться дома и дожидаться родов под их заботливой опекой. Возвращение к мужу в Варшаву — уже с ребёнком — планировалось на весну. Однако видя, сколь губительно сказался этот брак на здоровье и душевном состоянии дочери, родители убедили её в необходимости бросить мужа. И она в письме сообщила ему, что не вернётся. Наибольшая заслуга в разрушении молодой семьи принадлежит, конечно же, отцу Александры Андреевны. Любивший всё французское, он с крайней антипатией относился к «бошам». Более того, немцы вызывали у него только иронию и презрение. Нужно ли говорить, какой простор получила германофобия Андрея Николаевича в его отношениях с мужем дочери.

Родился, рос и воспитывался Александр Блок в ректорском доме. Всеобщий любимец, а с годами и гордость высококультурной и добронравной семьи Бекетовых, имел он предостаточно примеров для подражания.

Андрей Николаевич, дедушка будущего поэта, был человеком выдающимся. Высшие женские курсы, именованные «Бестужевскими», обязаны своим возникновением его энергии и не названы «Бекетовскими» только потому, что правительство недолюбливало учёного за его либерализм. Друживший с такими корифеями отечественной науки, как Менделеев, Докучаев, Тимирязев, Сеченов, Мечников, Андрей Николаевич и сам обладал крупным научным именем, а вдобавок отличался взглядами, весьма созвучными беспокойному предреволюционному времени.

Понимая свои ректорские обязанности гораздо шире, чем принято, учёный частенько хлопотал перед полицейскими властями об арестованных студентах. Даже был случай, когда для четверокурс-

ника, посаженного жандармами в крепость, Андрей Николаевич добился разрешения сдавать выпускные экзамены, и в университет юношу препровождали под конвоем.

Нужно сказать, что в семье Бекетовых существовал культ слова. Исходило это прежде всего от Елизаветы Григорьевны, бабушки поэта. Будучи женщиной высокообразованной, она свободно владела пятью европейскими языками: английским, немецким, французским, итальянским и испанским и ежегодно переводила до 200 печатных листов художественной и научно-популярной прозы.

Елизавета Григорьевна сумела привить интерес к профессиональному литературному труду своим дочерям — матери поэта и его тёткам. Они занимались не только переводами, но и пробовали сочинять. А всё же первенствовала бабушка. Её перу принадлежит едва ли ни целая библиотека переведённых шедевров Бокля, Брема, Мура, Бичер-Стоу, Теккерея, Диккенса, В-Скотта, Жорж-Санд, Бальзака, Флобера, Мапасана, Руссо... Переводила она сразу набело и, даже не перечитывая, отправляла в типографию. Не только завидное мастерство, но и явный признак ремесленничества.

Неудивительно, что бациллами литературного творчества заразился и Саша Блок. Уже в шесть-семь лет мальчик писал стихи. А вот отцовского музыкального влияния избежал. Слишком уж редко, по большим праздникам, Александр Львович навещал сына. И, хотя при этом варшавский профессор неоднократно предпринимал попытки восстановить семью, Александра Андреевна оставалась непреклонна и требовала развод. Но Александр Львович всё ещё на что-то надеялся и развода не давал, пока не надумал жениться вторично.

Мальчику шёл десятый год, когда брак между его родителями был, наконец, официально расторгнут Синодом. Вскоре Александра Андреевна вышла замуж за гвардейского офицера Кублицкого-Пиоттуха и вместе с сыном переехала в казармы лейб-гвардии Гренадёрского полка.

Однако с семьей Бекетовых связь не прерывалась, и у Саши по-прежнему было сильно увлечение литературой. В 14-летнем возрасте мальчик начинает выпускать рукописный журнал

«Вестник». Участвовали в нём и мать, и бабушка, и тётки, и двоюродные братья. Конечно же, и юный «редактор» поставлял на страницы своего издания стихи, прозу, всякого рода заметки. Сам же делал иллюстрации.

А летом по-прежнему вся родня съезжалась в Бекетовской усадьбе в сельце Шахматово. Окрестности чудные. Поля, луга, лес, речка. Прогулки верхом и пешие. А неподалеку, в восьми верстах — Боблово, усадьба Менделеевых, по-соседски, да и по духовной общности друживших с Бекетовыми. Странно ли, что Александру Блоку приглянулась дочь великого химика Люба. Оба и юны, и хороши собой. Но более всего сближало их общее увлечение театром. К тому же простота сельских нравов, прогулки на природе, иногда — вдвоём, тревожили воображение и способствовали дружбе, которая так легко перерастает в любовь.

Впрочем, было между ними и нечто сдерживающее. Очень воспитанный и подчеркнута корректный Александр поначалу показался Любе «холодным фатом с рыбьим темпераментом». Но летом 1898-го её мнение переменялось. Как раз к этому времени Блок закончил гимназический курс и, естественно, почувствовал себя как-то серьёзнее, взрослее. На поведении Александра в эту пору, безусловно, сказался и недавно пережитый им курортный роман с Ксенией Михайловной Садовской, весьма красивой дамой, ровесницей его матери. Страстные, волнующие впечатления прошлогодней поездки в Бад-Ноутгейм. Любовная история с продолжением уже в Петербурге и разрывом, инициатором которого оказался Александр. Новое, интересное, что появилось в Блоке, разумеется, не в деталях, а в целом, Люба и заметила, и оценила.

В эту пору на Бобловской домашней сцене ставился «Гамлет». Александр играл принца датского, Люба — Офелию. Сценическая любовь между персонажами причудливо накладывалась на реальные чувства исполнителей и как бы подчёркивала их. При этом каждый из них уже осознавал свою влюбленность, а также имел возможность увериться во взаимности, высказанной пока ещё очень робко и не напрямую. Именно тогда, в неполные 18 лет, Александр Блок и начал писать стихи по-настоящему — от уязвлённого любовью сердца, а не для забавы, как прежде. И,

конечно же, большинство из них были посвящены его юной избраннице — Любви Дмитриевне Менделеевой.

В том же 1898 году Александр Блок поступает на юридический факультет Петербургского Университета, может быть, не столько увлечённый юриспруденцией, сколько в бессознательном подражании отцу. Занимает же его в эту пору главным образом поэзия. Однако первая попытка напечататься, приведшая начинающего поэта в журнал «Мир Божий», оканчивается неудачей, столь обидной, что Блок уже подумывает об актёрской карьере и даже берёт уроки декламации в театральной школе М.М. Читау.

Но поэзия не отпускает. Блок, до той поры показывавший свои стихи только матери, теперь, усомнившись в собственных поэтических претензиях, начинает искать более объективных оценок. Отсюда и посещение университетского кружка изящной словесности, и участие в студенческом литературном сборнике. Желание восполнить пробелы в стихотворной технике и научиться мастерству возбуждает в молодом авторе интерес к символистам — корифеям тогдашней поэзии. Он даже решается отправить свои стихи в московский альманах, редактируемый самым влиятельным из них — Валерием Яковлевичем Брюсовым. Впрочем, по назначению посылка не дошла.

Под впечатлением от Константина Бальмонта, Владимира Соловьёва, Фёдора Сологуба, которых в эту пору презрительно именовали декадентами, Александр Блок столь пылко и помногу говорит о стихах, что проницательная Любовь Дмитриевна заподозрила в нём тайного поэта. И в 1901 году, когда он уже в течение трёх лет сочинял стихи, в ответ на прямой вопрос Менделеевой юноша признался, что да, пишет. До этого держал в секрете, а тут стал приносить и показывать свежее, только что написанное, по большей части посвящённое ей.

И тяжкий сон житейского сознания
Ты отряхнёшь, тоскуя и любя.
Вл. Соловьёв

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя*.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

Предчувствие не обмануло Блока. Ему и в самом деле предстояло пасть «и горестно, и низко, не одолев смертельные мечты». То ли Вечная Женственность, к которой он обратился в этом стихотворении действительно изменит облик, и Александр однажды не найдёт и следа Её в телесной оболочке любившейся ему девушки, то ли Её там никогда и не было? Увы, иллюзии имеют свойство рассеиваться...

Именно 1901-ый год поставил Блока перед мучительнейшей загадкой — поэт он или не поэт? Впервые приобрело глубоко личный смысл прежде чуждое и абстрактное слово — призвание. Юноша спешит освободиться от почти машинальной, по инерции, учёбы на юридическом и подаёт прошение о переводе на славяно-русское отделение историко-филологического факультета. А вскоре следует и вдвойне мучительное, уже в Петербурге, обращение к любимой — что она думает об его стихах? И неправдоподобно, сказочно щедрый ответ. Оказывается: Любовь Дмитриевна считает его поэтом не меньше Фета. Она так и сказала — «не меньше Фета». А ведь Фета они едва ли ни боготворили...

Каковы же в эту пору отношения Александра с самой девушкой, с Любовью Дмитриевной? Ведь его первые стихотворения — только неверная тень этих отношений, заведомо обречённая попытка выразить невыразимое. Отношения эти трудны

и мучительны. Причём — для обоих. И причина — в нём, в его усложнённо-поэтическом мировосприятии. Особенно в силу воздействия символистской зауми и мистической фантазмагии поэта-философа Владимира Соловьёва. Катастрофическое искажение масштабов. Всё — с космическим размахом, всё — с прописной буквы. Реальное, земное становится исчезающе малым перед космогонией псевдо религиозного бреда. Такова главная сущность этого литературного течения, ибо символизм не что иное, как поэтический бунт против Бога, утверждающий иллюзорность реального и реальность мечты.

И уже предвосхищена трагедия молодой пары. Именно предчувствие этой трагедии то и дело удерживает их, останавливает в естественном любовном стремлении друг к другу. И, если Блок внутренне готов принять свою любовь с трагедией, и даже тем радостнее, что с трагедией, то Менделеева попросту пугается этого тумана, которым переполнен её возлюбленный, ждёт от него гораздо более простых слов и действий. А не дождавшись, мучается, да так, что уже и ждать долее не в силах. Да и стихи его при всей их красоте не очень-то понятны:

31 ДЕКАБРЯ 1900 ГОДА

И ты, мой юный, мой печальный,
Уходишь прочь!
Привет тебе, привет прощальный
Шлю в эту ночь.
А я всё тот же гость усталый
Земли чужой,
Бреду, как путник запоздалый,
За красотой.
Она и блещет и смеётся,
А мне — одно:
Боюсь, что в кубке расплеснётся
Моё вино.
А между тем — кругом молчанье,
Мой кубок пуст.
И смерти раннее призванье

Не сходит с уст.
И ты, мой юный, вечной тайной
Отходишь прочь.
Я за тобою, гость случайный,
Как прежде — в ночь.

И что это — «смерти давнее признание»? Уж ни его, ни Блоковское ли, которое она так долго и так напрасно ждёт?

Только осенью 1902 года после бала в Дворянском собрании, когда Александр провожал Любу, произошло это столь долгожданное и столь запоздалое объяснение. Должно быть, поэтому, ввиду душевного потрясения девушки, оно запечатлелось в её памяти не слишком конкретно: «Как начал — не помню, но, когда мы подходили к Фонтанке, к Семёновскому мосту, он говорил, что любит, что его судьба — в моём ответе. Помню, я отвечала, что теперь уже поздно об этом говорить, что я уже не люблю, что долго ждала его слов и что, если прощу его молчание, вряд ли это чему-нибудь поможет. Блок продолжал говорить как-то мимо моего ответа, и я его слушала... В каких словах я приняла его любовь, что сказала — не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный листок, отдал мне, говоря, что, если б не мой ответ, утром его уже не было бы в живых». Развернув листок, ниже даты и Блоковского адреса Люба прочитала:

«В моей смерти прошу никого не винить. Причины её вполне “отвлечённые” и ничего общего с человеческими отношениями не имеют. Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь, чаю Воскресения из мёртвых и Жизни Будущего Века. Аминь.

Поэт Александр Блок».

Примечательно, что ещё никем не признанный юноша определяет себя столь решительно — поэт. И другая любопытная деталь: двумя десятками лет позднее, уже незадолго до реальной смерти, Александр Александрович напишет одному из своих друзей, что «слов неправды никогда в жизни не говорил». Не говорил — может быть, но тут написал: «ничего общего с человеческими отношениями не имеет». Однако то, что было бы не-

правдой в юности, впоследствии, перебелённое жизнью, окажется истиной, ибо причиной гибели Блока станут его отношения... с Революцией, действительно — нечеловеческие.

И согласие, полученное от Любови Дмитриевны, и её ответное чувство — ещё более усилили восторженное состояние влюблённого поэта. Он уже попросту боготворит её: «Если мне когда-нибудь удастся что-нибудь совершить и на чём-нибудь запечатлеться, оставить мимолетный след кометы, всё будет Твоё, от Тебя и к Тебе. Твоё имя здешнее — великолепное, широкое, непостижимое. Но Тебе нет имени. Ты — Звенящая, Великая, Полная. Осанна моего сердца, бедного, жалкого, ничтожного. Мне дано видеть Тебя неизреченную».

Из всех этих эпитетов реалистично мыслящая Любовь Дмитриевна, должно быть, сочла себя вправе и, конечно же, без особого восторга, единственно на определение — «полная», ибо была девушкой, что называется, в теле. Ну, а прочее — пардон. С таким словесным фимиамом и поклонением позволительно обращаться только к Господу Богу. Тут, разумеется, сказалось воздействие на Блока мистической философии символизма с его надуманными болезненными экстазами. Страшная отравка! Уже само это не в меру экзальтированное отношение к невесте было чревато будущим семейным разладом.

В декабре 1902 года поэт получил от Михаила Сергеевича Соловьёва, своего двоюродного дяди, сообщение, что он показал его стихи Брюсову и спросил — станет ли тот их печатать в своём альманахе. «О, да — и как можно больше», — так в дядином пересказе ответил Валерий Яковлевич. Тут и поразительная чуткость к новому, прозорливость мэтра, и его журналистская хватка.

Охмурённый символистским декадентством, Александр Блок, тем не менее, уже тогда в 1902 году творчески отталкивался от него. Так в одном из писем той поры, обращённом к невесте, поэт написал: «Я ведь не декадент, это напрасно думают. Я позже декадентов. Но, чтобы мне выйти из декадентства, современно мне, затягивающего меня бесформенностью и беспринципностью, нужно было волею Божьею встретить то пленительное, сладостное и великое, что заключено в Тебе».

1903 год, весьма знаменательный для поэта, начинается с предложения, сделанного им 2-го января Любови Дмитриевне Менделеевой, и полученного от неё согласия. Засим последовали: и начало переписки с Андреем Белым, знакомым пока ещё только заочно через троюродного брата — Сергея Михайловича Соловьёва, и встреча с Брюсовым, и завязавшаяся дружба с Евгением Ивановым, впоследствии наиболее близким Блоку человеком.

Весна этого года подарила молодому поэту первые публикации, прозвучавшие настолько мощным единым аккордом, что они были просто обречены на успех. Это и десять стихотворений в петербургском журнале «Новый путь», напечатанные по протекции Мережковских, с которыми Блок познакомился годом раньше, и три стихотворения в «Литературно-художественном сборнике» студентов Петербургского университета. И главное — поэтический цикл «Стихи о Прекрасной Даме», помещённый в «Северных цветах». С его героиней, Любовью Менделеевой, Блок и обвенчался в середине августа того же года.

Произошло это радостнейшее для молодых событие в церкви села Тараканово, расположенного неподалеку от Шахматова. На свадебный ужин, устроенный в Боблово, Дмитрий Иванович Менделеев, великий химик и отец новобрачной, единственный раз в жизни надел свои ордена, которые хранил в банке с гвоздями. Завершился этот обильный отградными для Блока происшествиями год предложением издать его книгу, поступившим от Московского издательства «Гриф».

Александр Александрович и Любовь Дмитриевна выглядели сказочно-красивой парой. Вот, казалось бы, кому быть счастливыми. Оба — молодые, здоровы, умны, обеспечены, образованны... И чувство между ними — сильное, вольное, бескорыстное... Так нет же, не нашлось прочного верного мостика, чтобы перейти от выспренной, несусветной болтовни типа: «А сегодня буду Тебе о Тебе молиться», — к незамысловатым радостям обычной земной любви. Ядовитые флюиды символистского дурмана проникли в семейную жизнь Блоков, необратимым образом отравив и изуродовав её. Неосторожное пагубное увлечение мистической философией Владимира Соловьёва.

Некстати оказалась и дружба с племянником этого поэта-философа — Сергеем Соловьёвым, и переписка с Андреем Белым, полугением и полу-безумцем. Оба в один голос убеждали Блока, что Любовь Дмитриевна — воплощение Вечной Женственности, что их пара призвана спасти Россию и весь мир, а для этого отношения между юными супругами должны быть чисто платоническими. «Теократическая горячка», как позже вспоминал Александр Александрович, более всего исходила от Сергея Соловьёва.

Если поэт, в силу своего возвышенного душевного склада, и оказался готов к проповедуемому его друзьями аскетизму, то Любовь Дмитриевна была самой обыкновенной здоровой и красивой девушкой и хотела простого человеческого тепла. Подмена ожидаемого ничего не значащими абстракциями причинила ей боль и сделала несчастной. Между молодожёнами возникло непонимание, постепенно приводящее к разобщению.

В 1904 году в Москве вышла книга поэта «Стихи о Прекрасной Даме». Тираж 1200 экземпляров. Вошедшие в книгу 93 стихотворения были отобраны автором из 750, написанных им к этому времени. Название же сборника переключало на книжный титул из Блоковской подборки, напечатанной в «Северных цветах», и честь его изобретения принадлежит Брюсову.

Александр Львович Блок очень резко отозвался о первой книге сына, обвинив его в саморекламе и эротизме. А вот сам автор, кажется, был к ней особенно пристрастен. Имеется свидетельство, как уже перед смертью поэт признался, что «мог бы сжечь все свои произведения, кроме “Стихов о Прекрасной Даме”». Да и прежде Блок указывал на некий, самому не до конца понятный, мистический смысл этих стихотворений, «открывшихся ему непосредственно и что он лишь проводник какой-то духовной интуиции, потом ему закрытой».

Ещё до выхода книги чета Блоков посетила Москву. Триумфальный приём, устроенный Андреем Белым и другими московскими символистами, покорило поэта, не терпевшего всего, что было лишено благородной сдержанности, простоты и отдавало пошлостью. Да и общение с москвичами складывалось не лучше.

Обилие заумных разговоров и отсутствие подлинной сердечности, естественная отчужденность по отношению к людям, едва знакомым, и ещё неизжитая новизна супружества... Все это стесняло, конфузило и не доставляло никакой радости. Тем скорее молодожёны возвратились в Петербург.

Андрей Белый, теперь уже приятель Блока не только по переписке, попытался воспользоваться этой дружбой не слишком оригинально. После личного знакомства с женой поэта, а особенно после летнего посещения Блоков в Шахматовской усадьбе, Белый повёл себя отнюдь не платонически и предпринял самую решительную, самую страстную атаку на Любовь Дмитриевну.

Увы, молодая женщина, претерпевающая в семье высокопартосную сексуальную диету, не осталась равнодушной к безудержному напору влюблённого безумца. Разрыв казался неминуем:

* * *

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слёзы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего-то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело своё. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твоё?

Однако Любовь Дмитриевна, сбежавшая было к Андрею Белому, как-то уж очень быстро опомнилась и возвратилась домой в самый день побега. Должно быть, почувствовала, что существенной перемены не будет: ведь и этот — поэт, и этот — символист.

Влюблённость Андрея Белого в жену Блока, его истерические домогательства, конечно же, расстроили их «дружбу по переписке» и привели к вполне понятной размолвке. Заметим, что акт семейной драмы Блоков, посвященный Андрею Белому, пришёлся на время русско-японской войны, весьма позорной для Отечества, и на кровавую эпоху революции 1905 года. Политические катаклизмы, как это часто случается, накладывают отпечаток нервозности и на отдельные судьбы.

Между поэтами даже вырастает некий дуэльный призрак, и они обмениваются, но не выстрелами, а вызовами на поединок, причём с интервалом примерно в год. Сначала перчатку бросает Белый, потом — Блок. Но в обоих случаях эта деталь аристократического туалета не была поднята. Очевидно, дуэль, как институт дворянской чести, уже доживала заодно с самим дворянским сословием последние дни. Ну а вражда между Блоком и Белым, как прежде — чуть ли ни братская любовь, ограничилась словесными потоками, и затем примирение, не слишком искреннее, тоже было пышно обставлено словами... Поэты есть поэты.

И хотя от психопатии Андрея Белого удалось отделаться далеко не сразу, в целом 1906-й оказался позитивным. Оба супруга завершили с учёбой: Любовь Дмитриевна окончила Бестужевские курсы, а Александр Александрович — университет. Забавно, что на выпускном экзамене профессор-словесник не до чего лучшего не додумался, как спросить у Блока: «На что делится стихотворение?» Обескураженный поэт не сразу нашёлся, что ответить, и профессор ни без укоризны объяснил: «На строфы, молодой человек, на строфы!» А между тем этот «молодой человек» уже был включён Брюсовым в так называемую «семёрку лучших поэтов России». Более того, именно в эту пору Александром Александровичем было создано едва ли ни самое знаменитое его стихотворение — «Незнакомка».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru